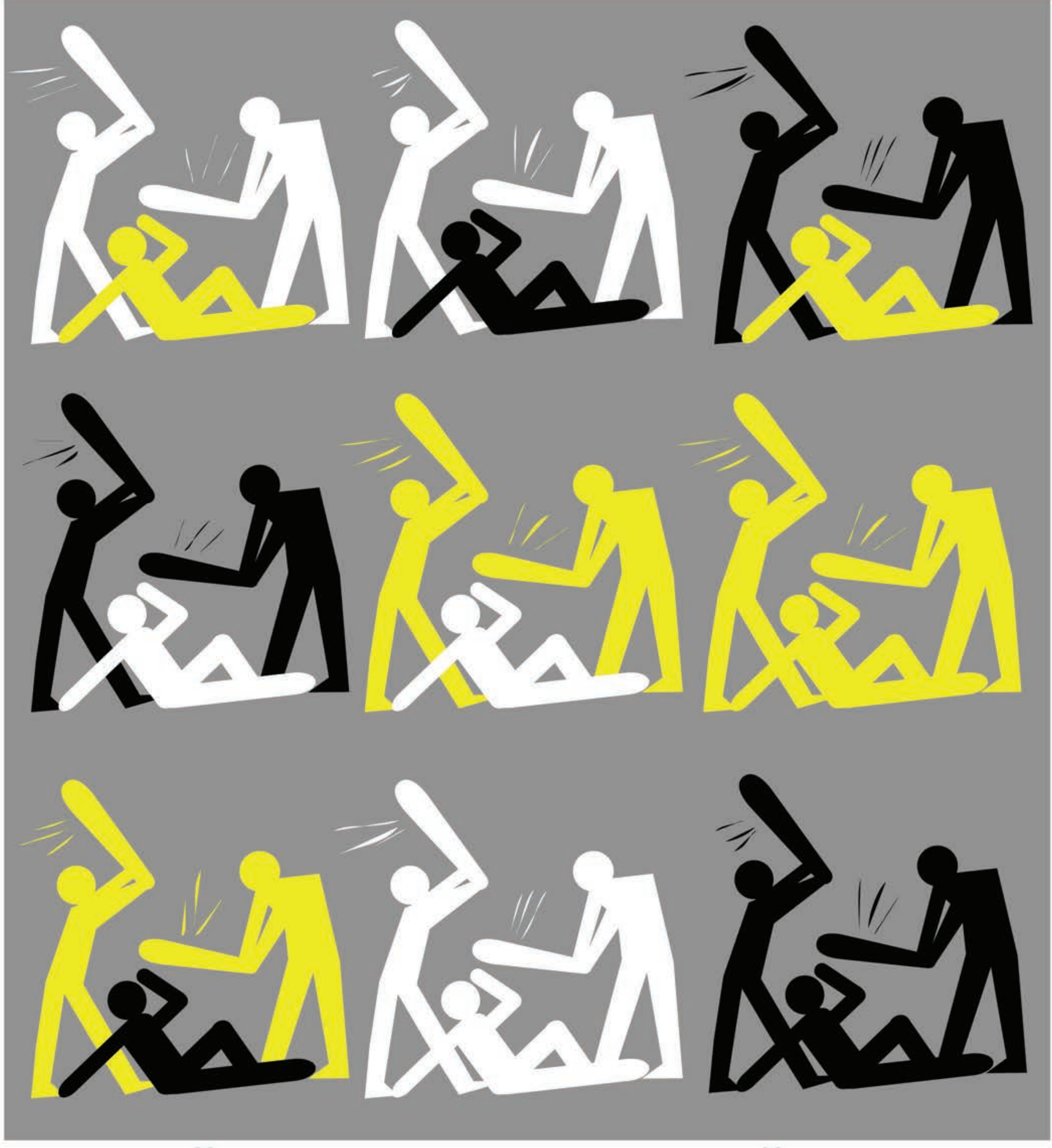
ВОЛЯ

#1(41)
19 января
2013 года

КАЖДЫЙ МОЖЕТ СТАТЬ ЖЕРТВОЙ ФАШИЗМА

«ВОЛЯ» — газета свободомыслящих людей. Выходит с августа 1989 года

19 января каждый день

Четыре года назад, 19 января 2009 года, русскими неонацистами были убиты два молодых смелых человека — адвокат Станислав Маркелов и журналистка Анастасия Бабурова, бывшие также антифашистами и участниками общественного движения. С тех пор друзья Стаса и Насти, их товарищи, все, кто возмущены нацистским террором, собираются в этот день, чтобы почтить их память, память других погибших от рук неонацистов, чтобы сказать нет фашизации российского общества и государства.

В этом году дата 19 января отмечается в международном масштабе. На эту дату сознательно наметили большую демонстрацию антифашисты в Афинах — у них есть свой фронт борьбы, свои проблемы — успех на последних парламентских выборах неонацистской партии «Золотая заря». Но не забывают они и о международном контексте, солидаризируюсь с борьбой москвичей, петербужцев, киевлян, берлинцев... Акции в Афинах, Берлине, Каире, Киеве, Москве, Петербурге и других городах пройдут 19 января с разным размахом и разным успехом.

Но все мы будем в этот день международной гражданской антифашистской солидарности думать и говорить об одном — о наступлении крупного капитала и государства на социальные и гражданские права большинства населения наших стран, о том, что фашизм и неонацизм снова, как и 80 лет назад в Европе, готов предложить государству и капиталу свои кровавые «услуги», свои армии ни о чём не спрашивающих, готовых на всё штурмовиков — лишь бы эти «услуги» хорошо оплачивались.

К сожалению, старая формула «фашизм — цепной пёс крупного капитала и государства» снова работает, она не осталась в учебниках истории и на страницах антологий антифашистского плаката. Сегодня это та реальность, с которой сталкиваемся мы все.

Поэтому мы все и выходим на улицы 19 января, поэтому мы провозглашаем свои лозунги: за свободу! против фашизма!

В этом номере «Воли» мы говорим о разных аспектах ксенофобии, лежащей в основе любой фашистской и неонацистской политики. И если кому-то покажется, что темы, которые мы поднимаем, случайны или маргинальны, советуем таким людям подумать ещё. Жизнь каждого и каждой из нас состоит из частностей, случайностей, происходящее с каждым и каждой может показаться маргинальным, неважным на фоне таких глыб, как «страна», «народ», «класс»... Но без каждого и каждой из нас — нет ни «страны», ни «народа», ни «класса». Без счастья и свободы каждой и каждого из нас не будет счастлива ни «страна», ни «народ», без учёта интереса составляющих его отдельных людей «класс» никогда не придёт ни к какой гегемонии, ни к какой социальной победе, если только не считать «победой» перерождение бюрократической верхушки «класса», как это и случилось в СССР в 1920-е годы.

Мы не маргиналы. Мы — уникальные и неповторимые личности, всем нам нужно признание, равноправие, творчество, свобода, любовь. Да, конечно, любовь. Помните песню: «Без любви ничего не получится...»? Вот именно.

Об этом мы и говорим.

Ред.

Почему «русским» не место в левых лозунгах

Александр Бикбов

В СЕРЕДИНЕ 90-х годов слова «нация» и «патриотизм» не вызывали у здравомыслящих людей иной реакции, кроме брезгливой дрожи. Почти всем было понятно: если в бурлящем тогда вареве свободы и обмана кто-то заводил речь о «русской нации» или «истинном патриотизме», скоро должно запахнуть палёным. В середине 90-х жалобщики и страдальцы всё ещё были убеждены, что «во всём виноваты» евреи. В каких нафталиновых сундуках заперты сегодня их томительные стоны? В середине 90-х никто не боялся «кавказцев», потому что страх наводили «тамбовские», «казанские» и «люберецкие». Бывшие реальные пацаны, сумев договориться с людьми в погонах, пересели в офисы и банки. Новое поколение будущих избирателей и работников росло уже на других страхах и надеждах.

Что стало настоящим ударом по мирной гражданской жизни в России: выдуманное на прокуренных кухнях вторжение «инородцев» или смычка самых разных властей на стороне грубой силы? В конечном счете, горячие речи про «униженных русских» оказались удобным прикрытием для сомнительного прошлого десятков и сотен людей, стоящих сегодня у руля. И правда, кто станет копаться в репутациях бизнесменов и политиков, пока Россия заселена врагами?

В нашем обществе по-настоящему много разочарования и гнева. Уже не такого раскалённого, как в девяностые, но по-прежнему обжигающего. Люди, всю жизнь служившие государству, лишились достойной старости. Преподаватели и учёные, заждавшиеся свободы, столкнулись с невостребованностью и бедностью. Профессионалы, ставившие на творческий потенциал рынка, занялись продажами. Молодых людей, рассчитывавших преуспеть, выдрессировали наездами и откатами. Студенты унижены бессмысленной муштрой. Безработные — мизерным пособием. Пациенты — подношениями докторам. Доктора — циничной бюджетной политикой. Журналисты — угрозами и нападениями. Читатели — ложью СМИ. Все вместе — приватизацией государственных должностей и безнаказанностью новой касты хозяев. Этот гнев конвульсивно сотрясает разные общественные слои. Но он редко направлен против своих настоящих причин. Потому что гневу сопутствует страх. За гнев против произвола полиции можно поплатиться здоровьем, против барствующего начальства — работой, против безответственного правительства — свободой. Гневное большинство жителей России — это осторожное большинство. Вне зависимости от места рождения и социального положения, самоорганизации и сопротивлению люди благоразумно предпочитают «приспособиться» и «не высовываться». Реальные проблемы есть, но открыто говорить о них опасно. В этой ситуации их гнев находит один из немногих оставшихся выхлопов: за всех «наших», против всех «чужих». И это первый признак слабости «сильного русского».

газета свободомыслящих людей
выходит с августа 1989 года
1 (41)
19 января 2013 года

тираж: 900 экземпляров

редакторы номера: Вера Бредова, Влад Тупикин

контакт:
gazeta.volja@gmail.com
http://gazeta-volja.livejournal.com

первая обложка: Виктория Ломаско

графика в номере: Виктория Ломаско, Николай Олейников, Умная Маша

layout: Николай Олейников

Кто не забыл, не вытеснил опыты 90-х, понимает: гордость «я русский» — это изнанка загнанного вглубь гнева. Гнева, пойманного в сети лицемерного изобилия нефти и газа. Гнева, который не разбирает причин и следствий. Пока слабела вера в порядочность реальных политиков, разочарованных и разгневанных людей притягивала вера в единящую силу, будто бы способную вернуть обществу порядочность и порядок, которых ему так недостаёт. Так мальчик-сирота верит, что, будь у него отец, тот наверняка был бы самым сильным и справедливым в мире. И за воображаемого отца готов драться со всеми подряд. Общество, в котором государство было наполовину приватизировано, а гражданская солидарность подорвана коррупцией и грубой силой, стало похожим на такого мальчика. Вместо евреев быстро нашлись другие «враги»: «Запад», «чёрные», «грантоеды». Стараниями кухонных мыслителей иллюзорная высшая сила приняла уродливые черты страдающего и карающего русского. В 00-х речи о гордом русском и его врагах прикрывали уже не только сомнительное прошлое иных бизнесменов и политиков. Они стали громоотводом собственного бессилия разгневанных людей. Присвоив внешние признаки силы, русский воинствующий патриотизм так и остался выражением слабости. И это второй признак его вторичности, скрюченности в тёмном углу.

В 00-х неверие в политиков и государство превратилось в гражданскую привычку. И у слова «русские» началась новая политическая жизнь. Удивляясь собственной дерзости, русскую нацию стали поминать с разных трибун и на страницах прессы. Поначалу с опасливой оглядкой, затем всё бесшабашней. «Русские» против «кавказцев» и «иностранцев» появились в первую очередь там, где трудно было без риска говорить о коррупции, произволе и некомпетентности властей. Желающие побыть «русскими» стали мелькать на трибунах стадионов, участвовать в уличных драках, появляться в телешоу. На исходе десятилетия «русские» стали логотипом в индустрии потребления, который сегодня используется примерно так же, как этикетка «качество 100%». Слова эти не значат ровно ничего определённого, но несколько повышают продажи. То, что произошло вслед за этим, было почти неизбежно для политического рынка без честных принципов и ясных позиций. Вслед за квасными патриотами, путаными традиционалистами и пиджачно-галстучными консерваторами самые разные политические силы включились в охоту за призраком русской нации. Некоторым казалось особенно интересным подтянуть свой рейтинг, заявляя о воссоединении с «русскими». Выражая слабость, замаскированную под силу, «русские» вовсе лишились смысла, став разменной монетой в мелких играх политиков со СМИ. И это третий признак бессилия «сильной» национальной риторики.

Уже этих трёх признаков достаточно, чтобы понимать: «русские» — слово, крайне неподходящее в определении левого активизма и критического действия. Если левый активизм нацелен на решение действительных социальных проблем (произвол полиции и властей, ослабление социальной защиты, недоступность общественных благ, рост социального неравенства, социальная дискриминация), то риторика «русские против врагов» скрывает эти проблемы за призывами к выдуманной священной войне. Если левая политика основана на совместных действиях и самоорганизации людей, то «русская гордость» лишь прикрывает бессилие разгневанного и разобщённого большинства. Если левое действие нуждается в ясной и критической позиции по ключевым общественным вопросам, то «русские вместе» сообщают о банальной погоне политиков за рейтингом.

В этой ситуации левый активист не может заявить о своей приверженности «русскому», тут же не оказавшись в поле правой риторики, активно паразитирующей на тройной слабости «сильной нации». По той же причине лозунг «русские против фашизма» не меняет расклада политических сил и идей, сливаясь с нестройным хором националистических выкриков. Как не изменит его, к примеру, заявление о «кавказском национализме», сделанное на улицах Москвы или Петербурга, если оно прозвучит от лица левых активистов, родившихся в столицах и никогда не попадавших в полицию за «неправильный» цвет кожи, акцент или внешний вид. В бывших странах Восточного блока, бывших африканских колониях, в стране Басков или латиноамериканских обществах националистические порывы соединялись с освободительными мотивами. Внешний захватчик там был очевиден и осязаем. Русский национализм — всегда разновидность нездоровой конспирологии. Он лишён настоящего освободительного мотива, просто потому что Россию никто не захватывал и не подчинял. Русским националистам приходится каждый раз выдумывать невидимых захватчиков. И национальная боль каждый раз оказывается фантомной. К трём слабостям «сильного русского» добавляется четвёртая: его коварный враг всегда выдуман.

Точно так же, как «национальный вопрос», «этнический конфликт» или «проблема мигрантов» не существуют сами по себе: без корыстных речей политиков, без интереса ведомственных и самопальных националистов, вне истории создания идей о национальном унижении и превосходстве. Сегодня склонность к националистическому и расистскому взгляду можно обнаружить в разных слоях разных обществ. Поэтому реальность «русских» и «кавказцев» кажется в России столь естественной, а угрожающее присутствие «чужих» многим представляется объективным фактом. Но для молодого левого движения было бы фатальным провалом принять «патриотические» лозунги и националистическую риторику, только на том основании, что с их помощью будто бы мобилизуется большинство. Большинство идёт не за риторикой, а за ясными решениями. Даже тогда, когда они ошибочны. Правые предлагают простые решения проблем, которые они сами во многом придумали. Сегодня, как и прежде, левые не могут выиграть, заимствуя эти решения. Любая подобная попытка становится работой в пользу своих противников и продвигаемых ими взглядов. Работой вдвойне безысходной, поскольку правая политика традиционно строится на эксплуатации слабостей и неопределённости. А есть ли сегодня в «русских» какой-то иной политический смысл, кроме превращённого?

(первая публикация: сайт http://socialists.su)

1.
2.
3.
4.
5.

рис. Николай ОЛЕЙНИКОВ

АНТИФАШИСТСКАЯ БРИГАДА им. 19 ЯНВАРЯ

1. Роза Люксембург, 2. Ульяна Громова,
3. Алия Молдагулова, 4. Чолпонбей Тулебердиев,
5. Алексей (Сократ) Сутуга, 6. Джефф (Снеговик) Монсон,
7. Иван (Костолом) Хуторской, 8. Брехт,
9. Федор Филатов

НАСТЯ БАБУРОВА

рис. Николай ОЛЕЙНИКОВ

рис. Николай ОЛЕЙНИКОВ

СТАС МАРКЕЛОВ

Арсений Тихонов

Ксенофобия как симптом отсутствия социальной рефлексии

Рост ксенофобских настроений в современной России довольно быстро стал привычным феноменом социальной повседневности, — феноменом, на который, в сущности, уже никто не обращает внимания и, тем более, не пытается проанализировать его природу и причины его интенсивных темпов.

Между тем, некоторые из них настолько очевидны и прозрачны, что представляется, по меньшей мере, странным то, почему они всё же остаются не осознанными даже многими образованными людьми, и в этой связи — по-прежнему имеют мало шансов быть преодолёнными. Ниже мы рассмотрим несколько наиболее распространённых аргументов враждебно настроенного ксенофоба и проследим реальную логику фактов, которые он пытается использовать для отстаивания своей позиции.

Крайне часто и от самых различных граждан доводится слышать о «вопиющем» поведении мигрантов, об их циничном злоупотреблении одолжением, которое мы (?) им сделали. О злоупотреблении одолжением, которое, очевидно, состоит в том, что им «позволяется» жить рядом с аборигенами мест, о которых идёт речь. В качестве примера подобного «злоупотребления» обычно приводят такие «врождённые» черты мигрантов, как нечистоплотность, хамство и ненормативную лексику в общественных местах, лень, скудоумие, проявление принадлежности к «примитивному» обществу, вытекающую из этого общую некультурность/необразованность/нецивилизованность. Последние проявляются, с точки зрения «истинных» — «белых» — граждан буквально во всём: во внешнем виде мигранта, в его языке, в привычках, в готовности на самую унизительную (и при этом почти бесплатную) работу, в отсутствии интереса к театрам, музеям, книгам и прочим феноменам культуры, в склонности мигрантов и мигранток к воровству и проституции. И в прочих неисчислимых пороках.

Приговор: онтология

Однако посмотрим пристальнее на причины приписывания мигрантам указанных «свойств». Вообще, всякий раз говоря о присущности чего-то кому-то, мы как бы утверждаем за ним некую онтологию, приписываем себе некое знание о том, как есть «на самом деле», и какова в действительности его «сущность». При этом очевидно, что сущность отличается от не-сущности именно тем, что она дана как бы заведомо, изначально, от неё невозможно избавиться, она есть некое имманентное объекту и не отделимое от него качество. Наоборот, не-сущность может быть каким-то случайным качеством, которое вызвано теми или иными обстоятельствами и может исчезнуть при их перемене.
И в этом смысле вопрос о том, насколько мы вообще в состоянии умозаключать о «врождённых свойствах» людей, о которых мы сами не знаем ничего однозначно достоверного, — вопрос не такой уж и простой, каким может показаться. И уж во всяком случае — открытый. Особенно — в условиях России, жителям которой по ряду причин трудно выявить даже свою собственную онтологию, и где она всегда трактуется предельно противоречиво. Однако вернёмся к «свойствам» мигрантов, которые так катастрофически препятствуют спокойному сну порядочных славянских граждан.

Обвинение номер 1: нечистоплотность

Что касается чистоплотности, то, во-первых, на эту тему в последние десятилетия написано множество текстов, обнаруживающих крайне специфический феномен: культ гигиены в современном Западном мире подвергся колоссальному гипертрофированию. Многие исследователи (например, Ролан Барт) связывают это с общей тенденцией создания некоего «стерильного» мира, в котором всё абсолютно гладко, чисто, замкнуто в своём неорганическом (!) совершенстве. К этому повсеместно призывает реклама — что свидетельствует о связи этого явления и с интересами и логикой рыночной экономики. К сверхгигиене призывают и стерильные глянцевые журналы, и телепередачи, и вообще всё коммерческое визуальное пространство крупных городов.
Во-вторых, говоря о якобы онтологической нечистоплотности приезжих, мы забываем о том, что гигиена и в целом гигиенически чистый вид требуют значительных материальных затрат, поскольку сегодня «нормальный» гигиенический набор уже не исчерпывается мылом, шампунем и зубной пастой — как раньше. Собственно говоря, в условиях упомянутой выше тенденции это неудивительно: пользуясь общественной манией на гигиену, крупные компании взвинчивают цены на свою многообразную продукцию, понимая, что потребитель готов и переплачивать — ведь он убеждён в значимости всех этих продуктов для его счастья, состоятельности, самоощущения. Между тем, о доходах мигрантов всем прекрасно известно: их, безусловно, не хватит ни на что из того, что предлагает рынок как залог признания твоей полноценности. В условиях крайней нищеты трудно следовать моде и баловать себя вещами чисто декоративного характера. Как подчас трудно просто выжить.

Обвинение номер 2: грубая речь

Следующее приписываемое мигрантам «свойство» — хамство, грубость, ненормативная лексика и прочие поведенческие и речевые пороки. Вывод о присущности приезжим этих качеств, судя по всему, делается на основании повседневной практики социальной коммуникации, в которой они, так или иначе, участвуют. В самом деле, очень часто можно слышать, как водитель маршрутки грозно и с акцентом излагает свои мысли матом, или как на рынке в том же лексическом стиле выясняют отношения торговцы и, к примеру, хозяева территории, на которой они торгуют. Безусловно, граждане крайне раздражаются, видя такое безобразие. И всячески негодуют по поводу «понаехавших», «чурок» и «чёрных», которые порочат невинный слух их истинных в чистоте своей крови славянских детей.

фото: anatrra

Между тем, каждый образованный «белый» — если он, конечно, вообще знает хоть один иностранный язык — имеет представление о том, как именно происходит усвоение чужого языка в «среде». И поэтому рассматриваемый аргумент против мигрантов попросту не выдерживает никакой критики: более-менее выучив грамматику и кое-какую лексику, всё остальное в языке мы впитываем именно из среды. Это значит, что стиль общения, интонации речи, лексика, способы решения повседневных социальных проблем и сложных ситуаций — всё это иностранцу (носителю другого языка) неоткуда больше взять, кроме как из общения с самими аборигенами.
Очевидно, что усваивая русский язык из живой среды, всякий иностранец воспринимает как норму стиль общения местных и перенимает его, — возможно, не особо задумываясь о том, нормальный он или ненормальный. Так здесь говорят — значит это нормально. И, в общем-то, это — здоровая логика. Так делает любой человек, приезжая в страну изучаемого языка. Очевидно ещё и то, что само понятие «нормы» почему-то вдруг оказывается относительным: то, что можно одним, нельзя другим, то, что нормально и не вопиюще слышать от славянских мужчин — от мужчины из Таджикистана слышать возмутительно и оскорбительно.
Кроме того, специфика языка обычно обусловлена также и более частными вариантами среды — сферами деятельности и кругом общения. Так, всем известно, что в армии общаются иначе, чем в женской гимназии, а в научной среде — иначе, чем на заводе. То есть стиль языка детерминируется ещё и более локальными факторами. А наши приспособленность и успешность в соответствующей сфере во многом определяются владением языком, присущим именно ей.
Иными словами, в этом пункте мы обнаруживаем очевидное «в-третьих»: сферы, в которых задействованы мигранты, во многом сами предопределяют стиль общения и лексический набор, используя которые можно максимально успешно и результативно в них действовать. А это, прежде всего, свидетельствует именно о быстрой обучаемости, внимательности и хорошей приспособляемости, мобильности мигрантов, а также их готовности схватывать и усваивать то, что требуется именно здесь и теперь. Во всяком случае, так бы сказал любой «русский» о человеке, уехавшем куда-нибудь на Запад и устроившемся там, быстро освоив на необходимом уровне (а не на уровне Гёте, Шекспира, Дюма или представителей ещё каких-нибудь стран, в которые уезжают русские) язык и приспособившись к своим новым условиям.

Обвинение номер 3: лень

Следующий образ, закреплённый в «русском» сознании за мигрантами — образ лени и некомпетентности. Однако, во-первых, причины этого стереотипа не вполне ясны: обычно именно мигранты начинают работать раньше всех прочих граждан и заканчивают — позже всех. При этом — как всем известно — работают они в гораздо худших условиях, а потому их рабочий день можно смело считать хотя бы за полтора дня. Кроме того, всем известно, что практически все мигранты работают в крайне тяжёлой психологической обстановке, постоянно подвергаясь различным формам дискриминации по национальному признаку и признаку низкого социального статуса. Таким, как: невыплаты и без того мизерных зарплат — за которые ни один местный не будет не то что хорошо работать, но и вовсе работать не станет; оскорбления; шантаж, обусловленный частыми проблемами с документами и незащищённым социальным положением — зачастую, вовсе нелегальным; а также просто физические расправы — вплоть до лишения жизни.
Иными словами, очевидно, что работать в таких условиях ленивый человек явно не стал бы. Видимо, если кто-то и наблюдает тех редких мигрантов, которые работают в полную силу не все свои рабочие часы — или даже меньшую их часть, и умозаключает из этого, что мигрант ленив, то, очевидно, мы вновь сталкиваемся с двойными стандартами: критерии лени у самих местных отчего-то совсем другие, а та граница, где она начинается, значительно выше. Так, ленивым у местных жителей принято считать человека, который не хочет работать даже в благоприятных условиях и даже не очень большое количество часов — при условии, что ему — как «полноценному» — предоставляются в дополнение к такой работе все социальные блага и разнообразные приятные приложения в виде надбавок, отпусков, медицинской страховки, санатория и проч.
Речь идёт о том, что человек, труд которого оплачивается низко в любом случае (а он, при этом, не реабилитируется в глазах своих желающих сэкономить нанимателей — как личность, как профессионал), действительно демотивирован прилагать чрезмерные усилия. Сложно представить местного жителя, который, видя подобное обращение и

фото: anatrra

отношение к себе и своей работе — продолжал бы вкладывать в работу все свои силы. Ведь от качества и быстроты её выполнения ничего не изменится. Отсюда у многих возникает вполне понятное равнодушие к труду. Которое, подчеркнём, вызвано даже не какими-то личными переживаниями, а чисто социальными проблемами, о которых так многое сказал ещё Маркс. Однако, учитывая то, что работать приходится всё равно, мигранты, оказавшиеся в таком состоянии, часто просто снижают качество и темп работы. Это — даже не саботаж и не стачка. Но — лишь попытка сохранить свои силы в жёстких условиях выживания, когда от этих сил и трудолюбия в действительности мало что зависит.

Обвинение номер 4: отсталость

Что касается «скудоумия и принадлежности к примитивному обществу», то здесь всё ещё более сомнительно. Во-первых, критерии «остроумия» в Западном и Восточном мирах — разные. И если Запад под прогрессом понимает, к примеру, изощрённые формы капитализма и совершенствование оружия массового поражения под маской толерантности и плюралистичности, то Восток (или прочие традиционные миры) мыслит в радикально иных категориях. Традиционное общество изначально имеет другие ценности, которые в рамках обозначенной логики прогресса кажутся её потребителям устаревшими и примитивными. Как, впрочем, и всё, что не ведёт к процветанию рынка и техническому прогрессу. Так, устаревшими, непрогрессивными и примитивными в Западном мире выставляются, к примеру, также идеи социализма и солидарности.

В этом смысле изначально иначе формируемый стиль мышления восточного человека в радикально чуждых и незнакомых ему западных контекстах несправедливо интерпретируется западными людьми как отсталый. Несправедливо — потому что в таком случае мы должны провозгласить, что существует только одна истинная модель мышления и миропонимания — та, что известна нам. Все же остальные — ошибочны, несовершенны и бесплодны. Однако провозгласить этого Запад, естественно, не может: мешает, с одной стороны, опыт и легитимная необходимость артикуляции вины за фашизм, необходимость его осуждения, а с другой — опять-таки мода на толерантность (во многом обусловленная этим «чувством» вины). Поэтому на официальном и неискреннем уровне множественность стилей миропонимания признаётся и даже утверждается, а вот в быту — где ничто не регламентировано — отрицается.

Таким образом, предположение интеллектуальной неполноценности иностранцев лишь на основании того, что в первое время многое в незнакомой культуре и в тяжёлых условиях даётся им с трудом — выглядит не только цинично, но и попросту непоследовательно. Равно как и приписывание им неполноценности лишь на основании следствия того, в каких условиях они существовали на своей родине и существуют сегодня уже в других местах.

Обвинение номер 5: «дикость»

Аналогичным образом дело обстоит и со стереотипом о «некультурности и нецивилизованности».

По «культурностью» обычно понимают, во-первых, владение нормами поведения данного конкретного общества, а, во-вторых, знание фактов культуры этого общества. И то, и другое закладывается в школе и семье. Однако утверждать единственность таких норм и наибольшую значимость именно этих фактов культуры в сравнении с фактами других культур — опять-таки означает приписывать своей культуре единственность и знание истины в последней инстанции.

Между тем, когда в Россию приезжают состоятельные иностран-

цы, не знакомые с местными обычаями и культурой, их любезно проводят по всем достопримечательностям, поясняют им все тонкости здешних традиций и нравов. Словом, с ними ведут себя как с гостями — каковыми они, разумеется, и являются. Между тем, это отчего-то не становится поводом для презрения. Даже если эти люди остаются в России на продолжительное время — скажем, по работе. Напротив, в этом случае им всячески помогают скорее узнать о местной культуре как можно больше. То есть в них видят тех, кто обладает какой-то своей культурой, тех, кто является носителем других знаний, представлений, других эпистемологических систем.

Однако если речь заходит о гостях из мира, в котором мы никак не заинтересованы (с точки зрения выгоды или других интересов), — всё радикально меняется. Снова — двойные стандарты.

В плоскости стереотипа «онтологической некультурности и дикости» мигранта существует ещё одна проблема. И она представляется нам наиболее важной и необходимой для осмысления именно теми, чей уют чувствует себя таким оскорблённым приезжими людьми.

Часто можно видеть молодых людей и девушек — выходцев из различных республик бывшего СССР или с Кавказа — распивающими в общественных местах спиртное, курящими, ведущими себя непристойно, или как-то иначе провоцирующими общественное мнение. Обычно это служит поводом для особенно возмущённых воскликнуть, мол, а вы говорите, у них своя культура — а посмотрите сами, ничего такого у них нет, и никаких ценностей, и они только бесчинствовать сюда приезжают, наплевав на свою и (без того сомнительную) культуру.

Однако рассуждающий подобным образом не видит очевидного. Во-первых, того, что ради успешной адаптации и социализации в новом для них обществе, молодые (и потому пластичные) мигранты готовы отказаться от собственных истоков и стиля поведения, предписываемого им их изначальной культурой. В сущности, нечто похожее происходило в Алжире, где всё местное население считало себя французами, потому что жило в реалиях французской экономики, политики, французского языка и самосознания.

Во-вторых, оценивающий «русскую культуру» в таком духе — почему-то непременно ассоциирует её с её высотами — вроде Пушкина, Достоевского, Бродского или Солженицына. Но если это так, тогда откуда же таджики и узбеки, приехавшие из традиционного мира обрядов, религии и близости к природе, вдруг взяли эти образы (такие чуждые им изначально) — пьющих, распущенных и в целом маргинальных — персонажей, нацеленных на капиталистические ценности? Выходит, что помимо Пушкина и Достоевского, или даже Высоцкого и Окуджавы — вокруг нас незаметно выросло что-то ещё, — пространство, которое на официальном уровне (в СМИ и учебниках) культурой не называется, но является таковой по факту — как стиль и контент повседневности, её образов и ритмов. И это пространство — пространство нашего повседневного быта, труда, коммуникации. Против которого мы сами отчего-то не сильно возражаем.

Так, совершенно очевидно, что приезжая в страну с намерением остаться там, любой здравомыслящий человек будет стремиться подстроиться под её стиль и перенять те нормы, ценности и образы, которые в ней господствуют. Из чего видно, что приезжая в незнакомый, но изобильный (и этим резонно пленительный) мир, молодые мигранты следуют его векторам. И то, что мы видим в них — в сущности, и есть наша культура — в неожиданном, но правдивом отражении.

Заключение

К мигрантам и проблемам миграции в современном Западном мире, разумеется, можно относиться по-разному. Всё зависит от того, действительно ли мы хотим быть современными и «продвинутыми» людьми с высокой степенью рефлексии и глубоким пониманием социальных процессов, — или же нам достаточно просто казаться таковыми. И противопоставлять эту фальшивую и зачастую сомнительно понятую «прогрессивность» всем остальным — «другим», «чужим», «неполноценным».

В первом случае мы найдём в себе силы признать, что «чужие» — это не только то, что мы чувствуем по их поводу, что они — что-то помимо этого. И что, главным образом, они — маркер того, что происходит с нами самими. И вокруг нас. Маркер того, что примелькалось, и чего мы не замечаем у таких же — «полноценных», легитимных, — но что мы непременно заметим у «другого». И тут же отнесёмся к этому как-то искренне, справедливо — осуждающе — как осуждающе никогда не отнесёмся к собственным порокам.

Волна миграции — это серьёзное испытание для культуры и всего устройства каждого общества, испытание для его граждан. Если общество сталкивается с этим, то очевидно, что лучшее, что оно может сделать — извлечь для себя не только конструктивный опыт навыков взаимодействия с мигрантами, но и, прежде всего, увидеть через них самоё себя — со стороны, диагностировать свои болезни. И сделать выводы — с терапевтической целью.

В противном случае — мы в очередной раз, не покидая своей насиженной зоны комфорта, займём позицию беспрецедентного превосходства, вновь отказываясь видеть и слышать то, что происходит не только рядом с нами, но и с самими нами, — мало интересуясь объективным положением вещей.

Гомофобное насилие за пределами объективов

Фашистское и ксенофобное насилие зачастую ассоциируется лишь с нападениями организованных правых групп на людей другой национальности, цвета кожи, на субкультурщиков, леваков, геев и т.п. С гомофобией всё обстоит ровно тем же образом — все знают, что правые и православные нападают на участников лгбт-акций — на гей-прайды или марши равенства. Многие — что иногда происходят идеологические погромы клубов — как в октябре было с московским клубом 7FreeDays или с серией нападений в 2006 году — когда православные фашисты во главе с лидером РОНС Игорем Артёмовым пытались, в преддверии первого московского прайда, «очистить город от содомитов».

ОДНАКО БОЛЬШАЯ часть нападений и большая часть насилия остаётся за кадром — потому, что люди которые ему подвергаются, не обращаются в СМИ – у них нет такой привычки, да и журналисты куда меньше горят желанием освещать занудную криминальную хронику, а не яркие политические акции на острую тему. А в случае убийств — обращаться и вовсе некому. Даже и родственники жертв зачастую больше боятся огласки того факта, что их сын или брат был геем, чем расследования или привлечения внимания.

ВОТ ОДНА ИЗ ИСТОРИЙ, которую мне рассказал психолог Н., специализировавшийся на удалённой работе с подростками геями, лесбиянками, трансгендерами: «Мальчик в Красноярском крае 15 с половиной лет, убит неизвестными на почве ненависти спустя два дня после каминг-аута[2] классу. Было нанесено 17 ножевых ранений, бумажка с надписью «сдохни пидор» была вместе с обломком швабры засунута в анус. Труп нашли его друзья. Родители отказались от всего, молча его похоронили, расследования не проводилось».

А ВОТ ЕЩЁ ОДНА: «Была история с одной девочкой из Саранска. «Корректирующее» изнасилование[2]. Сначала в 15, потом в 16, долго она лечилась. Её родители до сих пор её не принимают, а изнасилование сначала считали выдумкой. Насиловали гопники с другого двора».

ПОЛИЦИЯ ТАКЖЕ НЕ горит желанием расследовать подобные действия — гомофобия присуща ей не меньше, а быть может и больше, чем другим государственным институтам, а когда расследования никто особенно не требует, убийцу найти сложно, родственники в расследовании не заинтересованы, то, быть может, часто проще спустить дело на тормозах — представить ситуацию «пропажей без вести» или случайно полученной тяжёлой травмой.

В ИТОГЕ ПОДОБНЫЕ истории зачастую оказываются лишь частью фольклора и не всплывают на поверхность. Каждую из них может быть сложно верифицировать, но вместе они создают довольно ясную картину.

ВОТ ПРИМЕР ТАКОГО рода: «На днях я услышал леденящую душу историю о том, что несколько лет назад в Вышнем Волочке, небольшом городе Тверской области, действовала организованная преступная группировка, целью которой было уничтожение гомосексуалов. В течение нескольких лет было убито более десятка человек, причём, уничтожались не только геи, но и натуралы, чьё поведение, по мнению этих отморозков, было «недостаточно мужским». В итоге в живых остались лишь немногие «семейные» пары, которым повезло только благодаря замкнутому образу жизни. Эту информацию предоставил один из жителей города, который в период этих кровавых событий проходил службу в рядах вооружённых сил, что и позволило ему остаться в живых»[3].

НЕСКОЛЬКО ЛУЧШЕ обстоят дела с информацией о гомофобных убийствах в ходе «личных конфликтов» — бытовой конфликт всегда для полиции лёгкий способ заявить о раскрытии а значит и в криминальных сводках их больше. Один из характерных сценариев — убийство освободившимся бывшим зэком, чётко придерживающимся «понятий», когда тот обнаруживает, что его собутыльник — гей. Убийство «реальным пацаном», который так опасается за неприкосновенность своих мачистских представлений, что готов (особенно, будучи пьяным) — «замочить» любого, кто проявляет к нему сексуальное внимание, а значит ставит его мужественность под сомнение. Да и просто спонтанное убийство из ненависти попадает в ту же категорию. Достаточно обратить внимание лишь на короткий список сообщений с портала Gayrussia.eu чтобы понять, сколь это распространено:

15.09.2011 «В Йошкар-Оле насмерть забили мужчину, заподозренного в гомосексуальности» [4]
06.12.2011 «В Башкирии два студента осуждены за жестокое убийство гомосексуала»[5]
07.12.2011 «Жестокое убийство гея в Ленинградской области» [6]
15.12.2011 «В Нижегородской области убит молодой мужчина из-за подозрений в гомосексуальности»[7]...

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ грабители и шантажисты также часто выбирают гомосексуалов в качестве лёгких жертв. Ведь большинство геев весьма закрыто, боится огласки и страдает внутренней гомофобией — чувством собственной неполноценности. Вот одна из недавно произошедших и очень характерных историй. Двое граждан давали объявления на гей-сайтах об оказании интимных услуг, а получив предложение, избивали и грабили хозяина квартиры, в которую пришли. Так они смогли совершить более 30 ограблений. Однако в полицию кто-либо обратился лишь после того, как они перешли к убийствам[8]...

НЕ РЕЖЕ сталкиваются с насилием на почве ксенофобии и трансгендеры. Здесь добавляется ещё один частый мотив — неожиданное раскрытие транссексуальности партнёра, а мачизм и опасения за собственную «мужественность» снова вызывают агрессию[9].

СУЩЕСТВУЕТ международная инициатива по мониторингу случаев трансфобного насилия. В её рамках ежегодно, 20 ноября, проводится день памяти трансгендеров — жертв ксенофобного насилия и собираются случаи убийств трансгендеров, произошедшие по всему миру[10].

ТАК ЧТО УБИВАЕТ совсем не только чётко сформулированная идеология ненависти — как у бонов и других правых радикалов, но и рассеянные в обществе гомофобия, трансфобия, мачизм.

УБИВАЕТ БЕЗРАЗЛИЧИЕ — не только безразличие общества, но и безразличие активистов. Так, до сих пор в России не существует ни одной инициативы по системному сбору информации о гомофобном и трансфобном насилии.

УБИВАЕТ МАЧИЗМ, который заставляет мужчину воспринимать сексуальное внимание к себе как нечто позорное и зачастую легитимизирует крайне жёсткий насильственный ответ на нежелательные для человека предложения о близости, ответ значительно превышающий любые разумные границы.

УБИВАЕТ ТОЛЕРАНТНОСТЬ общества к криминальным «понятиям» — а ведь зачастую с ними мирятся и проецируют их на окружающий мир, отнюдь не только представители соответствующей субкультуры, но и утверждающие свою якобы «либертарность» активисты.

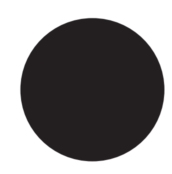
УБИВАЕТ ВНУТРЕННЯЯ гомофобия — когда под воздействием репрессивного общества геи, лесбиянки и трансгендеры начинают себя считать неполноценными, и более всего боятся «дискредитирующей» их открытости.

Убивает молчание СМИ — в отсутствие информации о преступлениях ненависти легитимизируется молчание, а взгляд на насилие, как на проблему лишь активистов провоцирует настроения в духе «не лезьте на площадь — не будет насилия».

НАКОНЕЦ, УБИВАЕТ мэйнстримная идеология «умеренной» гомофобии — противодействующая борьбе с внутренней гомофобией, политике открытости, утверждению равноправия всех квир-людей и заявляющая о необходимости борьбы с «пропагандой гомосексуализма».

КАЖДОЕ ЗАМЕТНОЕ публичное заявление о необходимости сделать лгбт-борьбу менее публичной, снизить уровень открытости лгбт-сообщества, каждое выступление против уличных акций геев, лесбиянок, трансгендеров — репрессирует лгбт-граждан, способствует росту их внутренней гомофобии. Каждое такое заявление, если и не прямо, то косвенно легитимизирует радикальную гомофобию и трансфобию в сознании каждого отдельного человека.

А ЗНАЧИТ — каждое выступление против публичной лгбт-борьбы способствует насилию, способствует новым убийствам ненависти.

[1] *Каминг-аут — «выход из шкафа», рассказ людям о своей гомосексуальности или трансгендерности.*
[2] *«Корректирующее» изнасилование — гомофобная практика в отношении лесбиянок. Изнасилование «настоящим мужиком» избавит лесбиянку от её ориентации, почему-то считают некоторые люди.*
[3] *http://gay-country.ru/893-ubiystva-geev.html*
[4] *http://www.gayrussia.eu/russia/2538/?phrase_id=446314*
[5] *http://www.gayrussia.eu/russia/3188/?phrase_id=446315*
[6] *http://www.gayrussia.eu/russia/3195/?phrase_id=446316*
[7] *http://www.gayrussia.eu/russia/3267/?phrase_id=446317*
[8] *http://www.gayrussia.eu/russia/3970/?phrase_id=445866*
[9] *Характерный пример на российском материале: http://www.rosbalt.ru/federal/2009/06/24/649811.html*
[10] *http://www.transgenderdor.org*

Ультраправые на маршах. Своих и чужих

Вера Альперович

15 декабря 2012 года в Москве состоялась последняя на данный момент общеоппозиционная акция — «Марш свободы», и присутствие националистов на ней оказалось едва заметным.

А ведь в течение последнего года представители националистов участвовали во всех подобных протестных митингах и маршах. Даже когда ультраправым ораторам не давали на них слова, националисты предпочитали не оставаться в стороне, а сначала прийти — и потом демонстративно покинуть мероприятие. Лидеры ультраправых организаций всегда старались привлечь как можно больше своих соратников, сделать их заметной и значимой частью общего протеста. Однако к концу года среди руководителей националистов явно зародились сомнения в правильности выбранной стратегии.
Задолго до того, как стало известно, что «Марш свободы» не согласован, в среде националистов начался спор на тему, «идти или не идти». Одни, например, лидеры Национально-демократической партии (НДП) Константин Крылов и Владимир Тор, продолжили агитировать за посещение общепротестных мероприятий в целом и «Марша свободы» в частности [1]. Такая позиция вполне понятна, так как К. Крылов и его партия давно выстраивают образ «респектабельных националистов», находящихся в жёсткой оппозиции к режиму. НДП не только участвует в общепротестных акциях, но и активно использует правозащитную риторику, и привлекает к себе людей, в чьих взглядах мягкий национализм сочетается с либеральными воззрениями. НДП пытается отказаться от атрибутов, свойственных радикальным националистам (обсуждался даже запрет на использование имперского флага — главного символа ультраправого движения в России). Такая позиция уже вызвала негодование среди многих соратников партии, её ряды покинул даже один из основателей, Егор Холмогоров, отвечавший за регистрацию НДП. Иначе говоря, столь последовательная дерадикализация и сближение с политиками, принадлежащими к прочим секторам российского политического поля лишили НДП многих активистов и не оставили руководству другого выхода, кроме как пытаться приобрести себе новых сторонников в общепротестном движении.

Впрочем, партия К. Крылова могла бы пойти по пути «Новой силы» Валерия Соловья. Будучи близкой НДП идеологически, «Новая сила», похоже, выбрала себе стратегию одиночек. Партия не принимала участия в последних общеоппозиционных акциях, не пришли её сторонники и на «Русский марш», попытавшись организовать собственное мероприятие. Однако пока у такой стратегии недостатки заметнее достоинств: акции «Новой силы» собирают очень малое количество активистов, а митинг, параллельный «Русскому маршу», вообще не состоялся из-за малочисленности собравшихся.

Объединение «Русские», в отличие от НДП и «Новой силы», и вовсе пока не выработало отдельную позицию по этому вопросу и пытается «угодить и нашим, и вашим». С одной стороны, «Русские» призывают всех приходить на общеоппозиционные акции, садятся за стол переговоров с левыми и либералами и рассуждают о демократии и законности. Но одновременно Объединение проводит пикеты в поддержку неонациста Николы Королёва, осужденного на пожизненный срок за организацию взрыва на Черкизовском рынке и расистские убийства, и резко критикует «соратников по борьбе» — тех же самых, за совместные акции с которыми оно, собственно, и агитирует.

Непоследовательной остаётся позиция «Русских» и сейчас. Ещё во второй половине ноября Дмитрий Дёмушкин от лица Объединения заявил, что националисты больше не будут принимать участия в «Маршах миллионов» [2]. Однако непосредственно перед акцией 15 декабря Владимир Басманов — брат лидера «Русских» Александра Белова — стал активно призывать к участию в марше [3]. По ультраправым сайтам и блогам быстро распространялся ролик, агитирующий за посещение «Марша свободы». В итоге, пришли к Соловецкому камню и сами А. Белов и Д. Дёмушкин. По всей видимости, изменить своё мнение они решили как раз из-за неразрешённого характера мероприятия: националисты, которые на больших общеоппозиционных акциях, как правило, были не особенно заметны, понадеялись, что на Лубянской площади народу соберётся меньше, и они смогут проявить себя. Однако этого не произошло, националистов практически не было видно — и уже во время задержания Д. Дёмушкин, по-видимому, оправдывая их малочисленность, заявил журналистам: «Мы приехали сюда просто как наблюдатели. О том, что националисты не будут участвовать в “Марше свободы”, я уже говорил ранее» [4].

Позиция Объединения «Русские» довольно типична. Она может быть как следствием отсутствия чёткой стратегии, так и результатом разногласий или недоговорённостей среди лидеров организации. Но интересно, почему именно во второй половине ноября Д. Дёмушкин, который довольно последовательно выступал за участие националистов в общеоппозиционных акциях, вдруг заявил, что они этого делать больше не будут.

Вполне возможно, что причина смены точки зрения руководителя «Русских» кроется в не очень удачном московском «Русском марше».

Традиционный «Русский марш» 4 ноября всегда служил националистам индикатором состояния движения в целом и настроений, царящих в нём, в частности.

В этом году акция получилась довольно невыразительной, что называется, без изюминки. Не было символического концерта неонацистской группы «Коловрат» в центре города, как в 2009 году, не было резкого скачка количества активистов, как в 2010-м, не было и Навального, привлёкшего год назад внимание прессы к маршу (в этот раз он, по его словам, заболел гриппом [5]). Акция была согласована на 10 тысяч человек, но собрала даже меньше людей, чем год и два назад. (...)

Можно сказать, что «Русский марш» продемонстрировал лидерам националистов, что за год участия в общеоппозиционных акциях они потеряли часть

старого актива, фактически не приобрели взамен новый, но всё же избежали больших потерь численности за счёт того, что привлекли к своим акциям «идеологических соседей». Последнее стало возможно благодаря тому, что основным движениям — организаторам «Русского марша» удалось наладить контакты с националистическими структурами, с которыми они раньше либо не сотрудничали вовсе, либо их отношения были прохладными. Насколько долгосрочными будут эти отношения, пока непонятно. Однако уже сейчас можно сказать, что такие связи с «идеологическими соседями» имеют и свои минусы — ведь новые лица вызывают напряжённость и недовольство у постоянных посетителей марша, что впоследствии может привести к ещё большему падению численности традиционного актива.

По сути, сложившееся положение показывает, что все усилия, потраченные лидерами ультраправых организаций на попытки сплотить имеющихся соратников через участие в общеоппозиционных акциях и нарастить социальную базу движения за счёт выступлений на крупных митингах, привели к обратному результату.

Мы видим несколько причин этого.

Во-первых, в самом протесте ультраправым, до событий декабря 2011 года имевшим основания считать себя самой организованной и крупной оппозиционной силой в стране, пришлось довольствоваться лишь ролью статистов, которым редко давали слово на митингах и которых открыто называли фашистами. Не оправдались их надежды на Алексея Навального, которого националисты рассматривали как своего «легитиматора». Несмотря на то, что Навальный вначале дей-

ствительно помогал ультраправым пробиться в протестное движение, вскоре их пути явно начали расходиться. Теперь и сам Навальный уже не стремится к участию в акциях радикальных националистов, и рядовые ультраправые не особенно его там ждут, называя либералом и предателем.

Во-вторых, даже в роли статистов ультраправые смотрелись на акциях слабо, так как лидеры праворадикальных организаций не смогли (и, скорее всего, не пытались) преодолеть ненависть ультраправой среды к либералам и левым, а, следовательно, не имели возможности вывести на митинги больше тысячи человек (а в среднем — вдвое меньше), что очень мало

по сравнению с ненавистными им либералами и левыми.

В-третьих, ультраправым не удалось привлечь на свою сторону людей, выходивших на оппозиционные акции. Аудитория на этих акциях мало подходила для националистической пропаганды, националисты воспринимались собравшимися как маргиналы, да и репутация фашистов успеху не способствовала.

В итоге, новых соратников нет, а старые недовольны и уже не стремятся массово выйти на улицы 4 ноября.

Недовольство это, впрочем, вызвано не столько тем, что люди, взявшиеся представлять ультраправое движение, вынуждены были принимать правила игры, навязанные либералами и левыми, и не смогли нарастить социальную базу движения. Репутация лидеров легальных организаций, из года в год проводящих «Русские марши», и до протестов была изрядно подмочена.

Скорее всего, сложившееся положение вещей — результат того, что после появления феномена «Болотной» и «Сахарова» «Русский марш» потерял статус главного оппозиционного события года. Разумеется, по сравнению с «маршами несогласных» (которых в последние годы не было вовсе) и акциями «Стратегии-31» пятитысячные «Русские марши» выглядели крайне внушительно, но на фоне 100-тысячного митинга пять тысяч националистов уже не впечатляют.

В прошлом организаторам «Русского марша» почти всегда удавалось создать вокруг акции героический ореол и дать участникам надежду на скорый политический успех. (...)

Однако в конце 2011 года возникли многотысячные митинги, на которых ультраправые отнюдь не играют главных ролей. При этом рядовым праворадикалам стало очевидно, что есть силы гораздо крупнее, чем крайне правые, и, одновременно с этим, что даже 100 тысяч человек, вышедшие на разрешённую акцию, не могут ничего изменить в сложившейся политической ситуации. В итоге, многие традиционные ультраправые активисты стали относиться резко негативно и к общеоппозиционным митингам в частности, и к санкционированным акциям в целом. Отсюда их апатия, нежелание ходить не только на «Болотную» и «Сахарова», но и на собственный, сильно поблёкший на фоне других акций, «Русский марш».

Появление у лидеров ультраправых организаций идеи отказа от участия в общепротестных акциях свидетельствует о том, что эти лидеры постепенно осознают: им нечего предложить потенциальным сторонникам из числа участников протестных митингов и шествий, а попытки наращивания социальной базы за их счёт приводят к потерям в имеющемся активе. При этом шаги лидеров Объединения «Русские» говорят о том, что лидеры боятся ещё больше усугубить ситуацию и, одновременно, пройти мимо каких-то важных политических событий, участие в которых позволило бы им реабилитироваться в глазах собственных активистов.

Конечно, нельзя утверждать, что часть националистов, в том или ином виде продолжающих принимать участие в общем протестном движении, в будущем окончательно от этого откажется. Явно преждевременно также говорить, что на фоне снижающейся протестной волны «Русский марш» не сможет вернуть себе имевшийся авторитет даже в глазах его непосредственных участников. Однако понятно, что разброд и шатание, свойственные ультраправому движению как таковому, теперь только усилились, а непонимание между лидерами националистических организаций и активистами, в прошлом выходившими на их акции, стало как никогда заметным.

В результате, рядовые ультраправые по большей части продолжают игнорировать общепротестные шествия и митинги, резко критикуют лидеров ультраправых организаций за сотрудничество с либералами и уже без энтузиазма воспринимают и чисто националистические мероприятия. Лидеры же пытаются найти способ получить отклик у «актива», но почти безрезультатно: рядовые праворадикалы сидят по домам и мечтают о «манежке» во всероссийском масштабе.

[1.] Крылов Константин. 15 декабря — русские националисты // Дневник К. Крылова. 2012. 15 декабря.

[2.] Русские националисты не хотят принимать участия в шествии «Марш миллионов» // Славянский союз. 2012. 23 ноября.

[3.] Владимир Басманов: Путина будет ждать судьба Мубарака и прочих тиранов // Дневник В. Басманова. 2012. 15 декабря.

[4.] Националиста Демушкина задержали на Лубянке // Полит.ру. 2012. 15 декабря (http://polit.ru/news/2012/12/15/lubyanka/).

[5.] Навальный: Я не пошёл на «Русский марш» из-за гриппа // Грани. Ру. 2012. 10 ноября (http://grani.ru/Society/Xenophobia/m.208598.html).

Публикуется в сокращении.

Полный текст на сайте http://www.sova-center.ru/

Рабы из московского магазина «Продукты»

графический репортаж Виктории Ломаско

30 октября 2012 года в Москве группа гражданских активистов освободила 12 рабов из магазина «Продукты», принадлежащего казахам Жансулу Истанбековой и её мужу Сакену Муздыбаеву. Почти все освобождённые — женщины из казахского Шымкента, откуда родом сама Истанбекова. Истанбекова в разное время пригласила их поработать в своём магазине: там у них отняли паспорта и заставили работать бесплатно по 20 часов в сутки. Кормили баландой из гнилых овощей, избивали и насиловали. Некоторые освобождённые попали в магазин недавно, другие находились в рабстве от 6 до 10 лет. У многих в неволе родились дети, судьбой которых Жансулу Истанбекова распорядилась по своему усмотрению: одних она отвезла в Казахстан, а после объявила погибшими, другие с малых лет обслуживали её семью.

Тажинар Аширова, мать одной из рабынь, Зарины, на протяжении нескольких лет пыталась освободить дочь. В Казахстане, чьими гражданами они являются, возбудить уголовное дело не удалось. В Москве в ОВД Гольяново полицейские также проигнорировали заявление Тажинар. По словам бывших рабынь, полицейские знали о происходящем в магазине и регулярно приезжали за взятками к Истанбековой. Когда рабыни сбегали, сами полицейские возвращали их хозяйке. Поняв, что законным путём дочь не вызволить, Тажинар обратилась к активистам движения «Альтернатива». И тем, благодаря многочисленному и внезапному «штурму» магазина, удалось освободить рабов.

Помимо Жансулу рабовладением, вероятно, занимаются две её сестры. У каждой из них несколько магазинов, в которых, скорее всего, рабство процветает на протяжении примерно двадцати пяти лет. Шолпан, старшая сестра Жансулу, в 2002 году была осуждена за истязание. Однако, президент Владимир Путин помиловал её, руководствуясь принципами гуманности.

Уголовное дело против Истанбековой и Муздыбаева было возбуждено в ноябре 2012 года по статье «незаконное лишение свободы» и закрыто как «незаконное и необоснованное». Сразу после Нового 2013 года супруги снова открыли свой магазин «Продукты» и сейчас вербуют людей на работу.

ЗНАКОМСТВО

Тема современного рабства давно интересовала меня. Прочитав в интернете репортаж про освобождение рабов, я позвонила в Комитет «Гражданское содействие», чтобы предложить свои услуги художника на судебном процессе против рабовладельцев Жансулу Истанбековой и её мужа Сакена Муздыбаева. Сотрудница Комитета Анастасия Денисова сообщила мне горячую новость. У пострадавших девушек и женщин только что должна была быть очная ставка с бывшими хозяевами в следственном отделе «Преображенское». Но вместо очной ставки на пострадавших попытались состряпать административку — незаконное нахождение без регистрации на территории России, чтобы срочно депортировать их по домам: в Казахстан и Узбекистан. У одной из девушек, находящейся на пятом месяце беременности, чуть не случился выкидыш. Усилиями адвокатов и активистов пострадавших удалось вывести из следственного отдела и доставить в больницу.

Услышав эту историю, я поехала в больницу, где познакомилась с Лейлой и Мутабар.

Лейла. 26 лет. Из них десять в рабстве. Из Узбекистана.

Девушек охранял волонтёр. Из больницы бывших рабынь повезли в Комитет. Сильный ветер на улице продувал даже моё кожаное пальто, а беременная Лейла скользила по изморози в туфлях, в ветровке, без перчаток и шапки. Она уцепилась за меня, чтобы не упасть и хоть как-то согреться. Голодные девушки съели фастфуд в «Метро-экспресс».

Они прижались друг к другу и мгновенно заснули.

БАКИЯ И ЕЕ МАТЬ ТУМАР

Бакии — тридцать четыре, но можно дать сорок. Десять лет в рабстве с каждодневным избиением по голове и почкам. Передние зубы выбиты. Пальцы и уши сломаны.

Сыну Бакии Бауржану — пять лет, но выглядит он на два годика. Ребёнок плохо ходит, у него искривлена грудная клетка. До освобождения Бауржан ни разу не был на улице, мальчика сажали на горшок и привязывали к батарее на целый день. Бауржан много говорит, но никто не знает, на каком языке, возможно, он выдумал свой язык. Мать видела сына раз в полгода по полчаса. В неволе Бакия родила ещё дочь, сейчас девочке должно было быть около семи лет. Жансула Истанбекова сказала, что девочка умерла. Но Бакия думает, что дочь жива, что её продали в Казахстан.

Бакия рассказала, что в магазине «Продукты» установлено не менее 30 видеокамер, «рабыни» не имели права выходить за пределы их охвата. Им было запрещено разговаривать друг с другом. Рабочий день начинался в шести утра и продолжался до глубокой ночи. Часто били до потери сознания, иногда побои продолжались и после потери сознания. Хозяйка говорила: «Пока кровь не увижу, не успокоюсь». Четыре хозяйских сына часто присутствовали при избиении рабов. Эти дети-подростки и сами начали поколачивать свою «собственность», родители поощряли их в этом.

Хозяева заставляли своих рабов доносить друг на друга. Бакия говорит, что отказывалась «стучать», а при избиениях молчала и пыталась сопротивляться. Также в магазине была налажена система: рабыни, чтобы более менее сносно существовать, должны были «сосватать» в рабство когонибудь из своих родственников. Бакия никого не пригласила «поработать за хорошие деньги».

Однажды Бакии удалось сбежать: сначала она три дня спала в подъезде, потом вышла во двор, где столкнулась с постоянной покупательницей из магазина «Продукты». Бакия рассказала ей свою историю и умоляла о помощи. Покупательница отвела Бакию к себе домой и велела ждать. Через какое-то время она вернулась с Жансулу Истанбековой. Жансулу божилась, что рабский труд Бакии будет оплачен, ей даже «купят машину». Не знаю, поверила ли в это Бакия или нет, но она вспомнила о своём заложнике-сыне и вернулась в магазин. Разумеется, в магазине её избили за побег и всё пошло по-старому.

Активисты, занимающиеся этим делом, выяснили, что у Истанбековых довольно высокий социальный статус, они имеют связи среди чиновников и полиции. Несколько лет назад одной «рабыне» удалось сбежать и добраться аж до Петровки, но её отправили оттуда обратно к «хозяевам».

Бакия из бедной многодетной казахской семьи, проживающей в Узбекистане. Несколько лет назад одна из сбежавших рабынь Истанбековой вышла на связь с Тумар, мамой Бакии, и сообщила ей, что её дочь в рабстве. Мать обратилась в милицию, но там отказались проводить расследование. Тогда денег на билет в Москву собрать не удалось.

МУТАБАР

Мутабар — мусульманка, иногда она надевает на шею медальон с крошечным Кораном внутри. В Узбекистане закончила театральное училище, а также религиозное заведение, в котором выучила арабский язык.

Мутабар боится, что её похитит полиция и вернёт «хозяевам».

В Комитете «Гражданское содействие». Опознание на фото родственников Истанбековой, задействованных в истории с рабами.

Надпись на рисунке сделана Мутабар: *«Почему сотрудники полиции нам не помогают? Куда обратиться гражданам, которые были обмануты как мы? Неужели сейчас всё решают деньги?»*

История Мутабар отличается от злоключений остальных освобожденных рабынь.

Мутабар — начинающая поп-певица из Узбекистана. Жансулу Истанбекова лично пригласила Мутабар в Москву «сниматься в клипе», и обрадованная девушка согласилась. Она приехала в столицу, не зная русского языка, и совсем не ориентировалась в городе.

В магазине «Продукты» ей сказали, что съемок не будет, и отняли все вещи, включая паспорт, телефон и ноутбук.

Другим рабыням Жансулу Истанбекова проговорилась, что собирается продать Мутабар за хорошие деньги в сексуальное рабство арабам. Только вмешательство активистов, освободивших женщин, помешало осуществлению сделки.

Я видела фотографии, сделанные в квартире матери сестёр Истанбековых. Квартира с евроремонтом, но без невероятной роскоши. Таких квартир у семьи Истанбековых несколько и в Москве, и в Шымкенте. Также Жансулу принадлежит особняк на шымкентской «рублёвке».

Старшей Истанбековой 101 год. Часть детей, рождённых в рабстве, отсылали ей в услужение.

СЕМЬЯ ЛЕЙЛЫ

В 2011 году у Лейлы появился муж Сейлхан. Он приехал на заработки из Казахстана. Работал у родственника Жансулу Истанбековой и случайно познакомился с Лейлой. Заметив, что Сейлхану сильно нравится Лейла, Истанбекова предложила ему стать шофёром при магазине «Продукты» и поселиться там же в подвале вместе с Лейлой и остальными рабами. Сейлхан согласился. Надо заметить, что ему, в отличие от других работников, платили зарплату и не избивали, так как, будучи шофёром, он мог сбежать.

Сейчас Лейла на седьмом месяце беременности. УЗИ показало что, несмотря на постоянные избиения Лейлы, с ребёнком всё в порядке. Лейла считает, что Жансулу Истанбекова планировала, что они с мужем будут работать в магазине «Продукты» до старости (или смерти), а их дети автоматически станут её рабами. Лейла не думала о побеге, потому что боялась за своего сына Бахыта, не хотела его бросать.

Это Бахыт, сын Лейлы, рождённый в неволе. Его имя означает «счастье». Ему 6 лет. Его сестру, тоже рождённую в неволе, Истанбекова отвезла в Казахстан, а через какое-то время сообщила Лейле, что девочка погибла — «её насмерть забодала корова».
Бахыта оставили жить в магазине «Продукты». Он стал чем-то вроде забавной игрушки для хозяйского сынка, своего ровесника. Когда Бахыту не надо было развлекать хозяйского сына, он должен был работать: упаковывать и таскать продукты, а ещё делать массаж хозяйке. Если у мальчика что-то не получалось, Жансулу Истанбекова или её помощник Бека били его головой об железный сейф или стены. От побоев «хозяев» у мальчика на голове остались шрамы. Бахыт каждый день видел Лейлу, но общаться с мамой ему запретили. При освобождении «рабов» «хозяйка» Жансулу Истанбекова похитила Бахыта вместе с другими детьми невольниц, но, испугавшись прессы, бросила их на вокзале. Сейчас Бахыт хочет целыми днями смотреть мультики. Лейла говорит, что мальчик начинает улыбаться и даже иногда балуется.

Жансулу Истанбекова — из бедной семьи, рассказала Лейла. Другие освобождённые женщины, говорят, что свою криминальную карьеру она начала с курирования борделей в Казахстане. Всё о прошлом Жансулу знала только Салтанат, дальняя родственница её мужа, которую Истанбекова держала в рабстве 17 лет. Бросив двоих детей, рождённых в рабстве, Амира и Асель, Салтанат сбежала перед самым освобождением «гольяновских рабов». Освобожденные женщины говорят, что она обещала спасти остальных, выйти с ними на связь. Но этого не произошло. Бывшие рабыни предполагают, что Салтанат поймали и убили, как слишком опасную свидетельницу. К тому же и в магазине от неё было уже мало проку, вот как описывают её состояние Лейла и Сейлхан: волосы выпали, ноги фиолетовые от постоянных побоев («мы сначала думали, что на ней фиолетовые колготки»), на ногах шишки, из которых часто фонтаном брызжет кровь. Дочь Салтанат Асель не получила образования. С самых малых лет она прислуживала матери Истанбековой, то есть была рабыней во втором поколении и уже не представляла, что такое свобода и жизнь без хозяйки.

ЗАРИНА И ТАЖИНАР

Зарина — племянница Лейлы. Сначала в рабство к Истанбековым попала Лейла. Через четыре года Жансулу Истанбекова хитростью, побоями, а главное — угрозой разлучить Лейлу с её новорождённым сыном Бахытом, заставила рабыню пригласить свою родственницу. Речь шла о том, что четырнадцатилетняя Зарина поработает в магазине «Продукты» на школьных каникулах, а в результате девочка попала в рабство на шесть лет.

Зарина родилась в Узбекистане в казахской семье. После смерти мужа её мама Тажинар переехала вместе со своими четырьмя детьми в Шымкент по программе возвращения этнических казахов в Казахстан. Матери-одиночке пришлось нелегко: нужно было снимать жильё и работать на стройке. Денег всё время не было, и Зарина, старшая дочь, хотела начать помогать матери — кроме съёма жилья нужно было кормить младших сестёр.

Её маме Тажинар удалось выяснить про ситуацию в магазине. Она наняла адвоката в Казахстане, и тот оказался наслышан про Жансулу Истанбекову — уже несколько сбежавших рабов безрезультатно писали на неё заявления. На этот раз уголовное дело тоже возбудить не удалось. Тажинар, её адвокат, а также остальные фигуранты дела убеждены — замять уголовное дело помог любовник и покровитель Жансулу — бывший прокурор, а теперь начальник таможни Балабиев Кайрат.

Когда Жансулу Истанбекова поняла, что Тажинар ни перед чем не остановится, чтобы вызволить из неволи дочь, она решила породниться с ней. И насильно выдала её дочь Зарину замуж за своего племянника (бросившего жену с двумя детьми в Казахстане). От этого брака родился Нурсултан. Сейчас, испугавшись кампании по «делу рабов из магазина «Продукты», отец ребёнка пустился в бега.

Про другие случаи насилия Зарина отказалась рассказывать при свидетелях. Остальные девушки также рассказывали о насилии своим адвокатам с глазу на глаз.

Освобождённые женщины рассказали, что в магазин регулярно приезжали сотрудники полиции, и по приказу Истанбековой им выносили деньги: полицейскому Насифу выносили по 10 тысяч, а полицейскому Диме — по 15 тысяч.

11 декабря 2012 года в Независимом пресс-центре прошла пресс-конференция «Дело об освобождённых рабах: развитие ситуации и новые жертвы рабовладельцев».
В ходе конференции руководитель комитета «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина несколько раз подчеркнула, что рабы семейства Истанбековых — рядовой случай в отлаженной системе работорговли и рабовладения в России: «Действует целая система. Расследование её может завести нас очень далеко». Этим опасным расследованием занимаются сейчас исключительно активисты, сотрудники Комитета «Гражданское содействие» и журналисты. Прокуратура отменила возбуждение уголовного дела против Жансулу Истанбековой и её мужа Сакена Муздыбаева как «незаконное и необоснованное». «Через прокуратуру сотрудникам Комитета передали угрозу, чтобы мы в это дело не лезли», — сообщила Ганнушкина собравшимся журналистам.

Интересным моментом конференции стало общение по скайпу с бывшими рабынями Жанар Истанбековой; Жанар — средняя сестра, ни в чём не уступающая Шолпан и Жансулу. Сбежавшие рабыни написали заявления против Жанар, но скоро убедились, что в их родном Шымкенте клан Истанбековых всемогущ и бороться с ним бесполезно. Сейчас им помогает казахстанская правозащитная организация «Сана-Сезім».
Жансулу Истанбекова сильно давит на пострадавших и их родственников: то угрожает, то предлагает деньги, квартиры, машины, яхты... А параллельно даёт интервью казахстанскому каналу «31» про то, как Лейла, Бакия и другие бывшие продавщицы вымогают у неё деньги.
После конференции я немного пообщалась с Лейлой и Бакиёй. Я спросила женщин, гуляют ли они по Москве. «Да, гуляем, — ответила Лейла, — каждый день ездим по больницам».

24 ноября в Театре doc. в рамках «Дня мигрантов» прошёл свидетельский спектакль «Освобождение мигрантов-рабов из магазина «Продукты». В основном выступал активист «Трансгуманистического движения» Данила Медведев — один из главных участников «штурма» магазина «Продукты». Данила Медведев обратил внимание присутствующих, что не только в Средней Азии, но и в современной России скатиться до положения раба очень легко. Он привёл цифры: «Путин в одном из выступлений говорил, что оборот работорговли в России составляет 200 миллионов долларов. По данным ООН в нашей стране в рабстве от 500 тысяч до двух миллионов человек». Данила считает, что если против Истанбековой будет возбуждено уголовное дело, и медийный шум не утихнет, появится шанс развернуть борьбу с работорговлей в России.

Проблема рабовладение не связана напрямую с проблемой миграции. Дагестанцы держат в рабстве дагестанцев, казахи — казахов, а русские — русских.

Олег Мельников — главный организатор операции по освобождению рабов. Он называет себя гражданским националистом, то есть выступает за то, чтобы не только у русских, но у всех российских граждан были привилегии перед приезжими. Знакомым националистам, которые упрекают его в спасении нерусских рабов из магазина «Продукты», Мельников предлагает ехать вместе с ним спасать русских рабов в Дагестане. «Пока ещё никто не поехал», — говорит Олег, — «Люди ищут оправдания, чтобы ничего не делать».
Я спросила Олега, как он относится к проблеме миграции в России. «В России явный перебор с миграцией», — ответил Мельников и добавил, полушутя: «Благодаря мне около 10 освобождённых рабов-мигрантов уехали из Москвы к себе домой!»

ПЕРЕД ПРАЗДНИКАМИ

Чтобы возбудить уголовное дело против рабовладельцев, необходимо чтобы несколько пострадавших всё время находились в Москве. Лейлу с семьёй поселили на съёмную квартиру. Бакию с Бауржаном — в хостел.
В канун новогодних праздников мы с друзьями решили отвезти Бакию и её пятилетнего сына Бауржана в пиццерию, потому что они почти не бывают на улице и мало общаются с людьми. За два месяца свободы Бакия успела посмотреть только Красную площадь и изучить дорогу из своего тайного убежища в больницу, где обследуют Бауржана. Из-за Истанбековой, находящейся на свободе, гулять опасно.

Бауржан будет только чай, он до сих пор отказывается от любой пищи, кроме молочных продуктов. Заглянув во все чайники на столе и потрогав чай в своей чашке руками, мальчик продолжил исследовать новое пространство — теперь, когда он не привязан на целый день к батарее, его невозможно удержать на месте. Бауржана заинтересовали новогодние украшения, и одна из официанток разрешила ему снять красный пластиковый шар с елки. Ребенок тут же стал первый раз в жизни играть в футбол между столами.
Многие посетители недоумённо косились на маленького мальчика-мигранта, который как-то странно, неуклюже играл с «мячиком». Ребёнок то громко смеялся, то без видимой причины менялся в лице и, испуганный, чуть не плача, бежал прижиматься к матери. В какой-то момент шар скатился на лестницу, и ребёнок пополз по ступенькам. Ему больно спускаться и особенно подниматься по лестнице обычным способом — в рабстве мальчику сломали ногу, кости срослись неправильно.

Бакия заметно поправилась и посвежела. Теперь она мало напоминает ту затравленную увядшую женщину, какой я её запомнила в начале ноября. Бакия шутит и много смеется, не стесняясь своего беззубого рта.
Бакия мечтает: «Я буду много работать. Бауржана отправлю к своей матери в Узбекистан, буду посылать им деньги. Ещё хочу посмотреть мир — поеду в Париж, в Америку. В жизни всё надо успеть посмотреть!» Слушая Бакию, мы смущённо улыбались. Для трудовых мигрантов в существующей системе предназначено рабство в той или иной форме, а не поездки в Париж.

Через пару часов мне и моим друзьям надо было бежать на другие встречи. Бакия не хотела уходить. Она хотела бы сходить на танцы или в гости или ещё куда-нибудь Закапризничавшего Бауржана одели в пожертвованную активистами куртку. Мальчика подхватил на руки телохранитель-волонтёр, сопровождающий маму с ребёнком всю прогулку. Мы распрощались.

**СОГЛАСНА НА СЕКС - ШЛЮХА,
НЕ СОГЛАСНА - СТЕРВА?**

